Он был ценным активом для команды Featherway. Списать всё на то, что «всё в порядке», а потом столкнуться с последствиями — это стало бы катастрофой и для команды, и для него самого.

Осмотр прошёл быстро. Кровотечений не было, неврологические и сенсорные тесты он прошёл без отклонений.

Врач велел ему лежать и наблюдаться, сказав, что если в течение часа не появится никаких симптомов, он сможет уйти. Он отдельно подчеркнул, что при тошноте или головокружении Дэниел обязан немедленно позвать его, после чего ушёл.

Оставшись один посреди приёмного отделения, Дэниел извинился перед сотрудниками Featherway, которые приехали с ним на скорой, и задвинул шторку. Лёжа в тишине, он проверил время и уставился в потолок.

Если бы всё пошло по плану, он сейчас держался бы за руль и пересекал финишную линию. Так почему он здесь?

«Что я вообще здесь делаю?»

За задетой гордостью поднялось тяжёлое, всепоглощающее чувство самоненависти.

Это была трасса Каталунья, где он проехал больше тысячи кругов. И всё же — авария на Гран-при Испании на глазах у спонсоров, когда он мог как минимум взять шестое место. Если он потеряет место в Featherway, у него не будет оправданий. Провал для первого пилота.

«…Не стоило ужинать накануне практики. Нужно было остаться на трассе и сосредоточиться».

Если неудача — мать успеха, то у Дэниела родословная уже была безнадёжно испорчена. Но та «мать», с которой он столкнулся сегодня, оказалась слишком ужасной, чтобы с ней жить. Он не мог спокойно выдержать вопрос о том, выложился ли он на максимум.

И это было не просто тревожное состояние после конфликта с Алеком Уокером.

Не только страх потерять место в Featherway пошатнул его сердце — на мгновение даже сам вид болида Ferrari лишил его воли к борьбе.

Это была обновлённая машина. Он мог бы сдержать её. Если бы за спиной был не Серджио Мильштейн, а Эш Тейлор, он бы боролся до конца.

Но он не стал — потому что где-то глубоко внутри оставалось нечто незавершённое.

Возможно, Серджио был прав. Стремясь превзойти отца, Дэниел сознательно отказался от команды Ноэля Линдберга. Но был ли этот выбор верным?

Стоило зародиться сомнению — и самоконтроль рухнул.

Если бы он не взял тот плотный рекламный график, если бы отказался от ужина накануне практики, если бы не оставил контракт на ком-то другом…

Тогда он бы не получил предложение Серджио, не выбился бы из привычного ритма, не стал бы обвинять спонсора — и не оказался бы в этом хаосе.

Это всё была его вина. Правда, которую он игнорировал, теперь возвращалась, словно эффект

бабочки, пронзая его молчаливыми шипами. Он платил слишком высокую цену за то, что считал, будто «всё в порядке», хотя внутри было иначе.

Чтобы не думать, он предпочёл бы уснуть как мёртвый, но сон не шёл. Возможно, именно так чувствовал себя Джошуа, когда украл снотворное у Наоми.

Прикрыв глаза рукой, Дэниел выдохнул с болезненной усталостью и стал ждать, пока пройдёт время.

Зеркало отражает того, кто в него смотрит, но не может отразить само себя. Иронично, но оно никогда не узнает собственных трещин.

Дэниел был очень похож.

Несмотря на то что он ворочался, убеждая себя, что не спит, его перегруженная симпатическая нервная система, залитая адреналином, расслабилась, поняв, что тело в безопасности, и сон взял своё.

Не заметив, как задремал, Дэниел почувствовал, что кто-то отодвигает шторку.

Решив, что это медсестра проверяет пульс, он не открыл глаза, но человек молчал. Заинтересовавшись, он приподнял тяжёлые веки как раз в тот момент, когда прохладные пальцы коснулись его лба.

Кто-то аккуратно убрал его чёлку, погладил и убрал руку.

— …Трогать спящего человека.

— Ты проснулся.

— Потому что ты разбудил меня.

Его тело ощущалось так, будто налилось свинцом. Но ему всё равно нужно было подняться. Пока Дэниел не позвал медсестру, чтобы снять капельницу, Алек Уокер молча стоял у изножья его кровати.

Медсестра, бросив взгляд на посетителя, у которого явно было что сказать, тихо задернула штору и вышла. Между ними повисло неловкое молчание, словно по негласному соглашению.

— Как твоё состояние?

— Нормально.

— Хорошо.

Разговор с роботом был бы менее натянутым.

Дэниелу хотелось, чтобы этот неудобный визитёр поскорее ушёл. Но вместе с тем он боялся, что расставание в таком виде может только всё усугубить.

Противоречия разума и сердца заставляли его отвечать по обязанности, избегая взгляда Алека.

— Я убедился, что ты в порядке, этого достаточно. Раз уж нам обоим некомфортно, давай

решим один вопрос перед тем, как я уйду.

— Какой?

— Почему произошла авария?

— Посмотри запись — сам поймёшь.

— Нет смысла утруждаться, если человек прямо передо мной.

Конечно. Он всегда был таким. Даже в неловких ситуациях ему нужно было доводить всё до конца.

— Аварии в гонках — не такая уж редкость. Поставь двадцать человек, которые считают себя звёздами, на одну трассу — страннее было бы, если бы ничего не случилось.

— …Я не об этом.

— Тогда о чём?

— Ты ведь избежал борьбы с Серджио Мильштейном?

В тот момент Дэниел понял, что Алек увидел его насквозь.

Он явно следил за гонкой слишком внимательно. Иначе не пришёл бы в больницу с таким жестоким вопросом.

— …

— Ты действительно избежал.

К сожалению, Алек не упустил его замешательства. Острый глаз, точное наблюдение. Но Дэниелу сейчас было не до похвалы.

Ему даже хотелось заплакать. Даже сейчас Алек оставался беспощадным.

— Я не знал, что у тебя аллергия на красный.

Он понимал, что разочаровал Алека.

Алек Уокер был первым, кто назвал его стиль вождения впечатляющим. Когда он смотрел, как Дэниел держится за трассу на изношенных шинах и доводит гонку до конца, Алек сказал: «Делай это зрелищно». На мгновение Дэниел почувствовал себя признанным.

И именно поэтому эта едкая саркастичность так больно впилась в грудь, заставив его отвернуться.

— Ладно. Я на секунду потерял концентрацию и испортил гонку. Но тебе не кажется, что первый фол всё-таки был за тобой?

— Фол?

— Когда ты выставляешь ставки, я соглашаюсь на условия. Ты инвестируешь — я даю результат. Мы до тошноты обсуждали это за выпивкой, так кто первым перешёл черту?

Смотря в глаза сопернику, которого он всё это время избегал, Дэниел подумал, что их короткое, в целом удачное сотрудничество может закончиться прямо здесь. Возможно, это последний раз, когда он смотрит в эти голубые глаза.

И поэтому он решил сказать всё — и в этот момент его мысли стали кристально ясными.

— Заказал расследование и сказал, что твой секретарь всё перепутал — и это ты называешь извинением? Чего ты вообще хотел, копаясь во мне и моём брате? Даже если бы ты нанял папарацци, я бы так не злился. А теперь ты говоришь, что контракт был отправлен вовремя, но его нигде нет, и при этом, когда топ-команда делает предложение, выходит, что это я виноват, потому что «поддался»?

— Не перекладывай ответственность. Потеря концентрации в гонке — целиком твоя вина, господин Дэниел.

— Я знаю. Но это бесит. Ты постоянно делаешь вещи, из-за которых я теряю концентрацию. Звонишь в любое время, врываешься, чтобы меня поддеть. Что с тобой вообще? Я тебе что, ксилофон? Ударяешь, чтобы проверить, какой звук получится? Я живу по режиму, концентрируясь на том, что передо мной. Скажи мне — это вообще нормальная среда, которую ты, как спонсор, можешь мне обеспечить?

Странно, но человек, на которого обрушился этот гнев, выглядел даже довольным. Алек слабо усмехнулся, глядя на непоколебимого Дэниела. Наполовину это была усталость, но вторую половину чувств было трудно разобрать.

— Похоже, сотрясение тебя не беспокоит. Я собирался спустить тебе это с рук как пациенту, но раз ты сам заговорил… в этом весь ты. И это всё, что ты хочешь сказать?

— А если всё?

— Тогда моя очередь.

Алек, будто ожидая этого, перехватил инициативу. Он не говорил прямо, но в его словах сквозило то же ощущение несправедливости, и речь текла ровно, как поток.

— Я перепроверил: контракт был отправлен корректно. Если он исчез, значит, где-то произошёл сбой. И именно это меня сбивает с толку. У тебя были возможности — в самолёте, за ужином. Контракт не пришёл, так почему ты не спросил? Это же просто документ, его можно было отправить заново. Кто вообще раздул из этого проблему?

— Ты сейчас говоришь, что это моя вина?

В одно мгновение они словно вернулись на три месяца назад, как лососи, идущие против течения. Сверкая взглядами и не пропуская ни слова, они снова стали теми, кем были при первой встрече.

— Мне тоже любопытно. После того как ты на меня разозлился, я хоть раз лез с расспросами про Джошуа Линдберга?

— Ты расследовал!

— Один раз. Всего один раз! Ты сравниваешь это с таблоидами и папарацци, а теперь ещё и ксилофон? Где ты вообще видел ксилофон, который был бы настолько дорогим и вспыльчивым?

С каких пор ты вообще считаешь себя музыкальным инструментом?

Дэниел на секунду потерял дар речи. Он не ожидал, что Алек начнёт оправдываться, но такая бесстыдность… даже с кожей в три раза толще нельзя было бы так нагло себя вести.

Пока Дэниел пытался ответить, Алек, не останавливаясь, продолжил:

— Это ты предложил персональное спонсорство. Я что, тащил тебя в отель или преследовал? Пара звонков и один ужин. А вот так отрезать меня — это разве не нарушение правил?

В их поединке без арбитра снова взмыл жёлтый флаг инцидента — обгона нет. Взгляды горели, ожидая перезапуска гонки.

— По крайней мере, это не та гонка, которую я хотел увидеть. Не набрать очки и не бороться до конца — разные вещи. Я не прав?

— …

Это было последнее, что он хотел слышать.

http://bllate.org/book/17841/1739217